

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ РЕЛИГИОЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ – СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ГАГАУЗОВ

Е. Н. Квилинкова

Сюжеты значительной части народных песен религиозного содержания у гагаузов Молдовы связаны с именами (Христа, Богородицы и наиболее важных святых – Петра, Павла, Георгия и др.) и событиями, описанными в Новом завете. Для данного вида песен характерно использование одинаковых названий (Песня Иисуса, Песня Христа, Песня Богородицы и др.), но при этом по содержанию они различны. Основная их часть посвящена событию рождения Иисуса, описанию Страстей Христовых и страданий Богородицы, а также ожиданию Второго пришествия Христа. Составной частью многих из них является не просто описание имевших место исторических событий, а прославление Христа, которое выражается в используемых в песнях формулировках: *Hristos – (Boba/Allah) slava sana!* («Христос – слава Тебе!») [1, с. 29, 30, 31 и др.].

К сожалению, этот вид песен до настоящего времени не являлся объектом исследования ученых. Нами были собраны и опубликованы в сборнике *Moldova gagauzların halk türküleri* (2003) более 70 текстов религиозного содержания. В разделе *От составителя* дано лишь краткое описание данного вида песен. Чтобы не выходить за рамки объема статьи при анализе текстов мы будем делать ссылки на этот сборник, указывая лишь номера страниц.

Целью данной статьи является изучение содержания гагаузских религиозных песен и сравнение их с соответствующими отрывками текстов из Нового завета. При этом по тексту мы будем делать общепринятые при работе с такой литературой сокращения [2].

Анализ сюжетов песен позволит, с одной стороны, пролить свет на вопрос об их происхождении, а с другой - показать какие из хрис-

тианских религиозных установок имели в народе первостепенное значение.

В песне о рождении Христа *Hritozun duuması* («Рождение Христа») кратко описывается данное событие. Содержание большинства текстов отражает, главным образом, Евангелие от Матфея (Глава 2). Почти во всех вариантах указывается, что за звездой в Вифлеем пошли так называемые *filosoflar*; чтобы поклониться Христу. Слово *filosoflar* использовано, по-видимому, в значении мудрецы. Интересно отметить, что в Библии на гагаузском языке этот образ передан понятием *yildiz bilgicleri* (досл. «знающие звезды» / «знатоки звезд») [3]. В одном из вариантов песен (с. Бешалма) образ волхвов передан понятием короли (*kral*) [1, с. 28]. Аналогично Писанию, в песнях отражены моменты, связанные с просьбой Ирода к волхвам (чтобы они на обратном пути известили его о точном местонахождении Христа), с отрывшемся им окровавлением (идти назад другим путем и не возвращаться к Ироду). В большинстве записанных нами текстов упоминается также об «избиении Иродом младенцев» при известии о рождении Христа. В некоторых из вариантов (с. Бешглиз, г. Чадыр-Лунга) указывается даже конкретная цифра уничтоженных детей – 14 тысяч душ [1, с. 29, 31].

В ряде текстов отмечается, что пришедшие поклониться Христу философы (мудрецы) принесли с собой золото (золотое яблоко - с. Бешалма), ладан и смирну, что отражено в Евангелие от Матфея. Но при этом в тексте с. Гайдар упоминается, что о точном месте рождения Христа они спрашивали у пастухов. Из этого следует, что последние знали о месте его нахождения так как, вероятно, уже побывали там. Момент с пастухами, пришедшими поклониться младенцу Иисусу Христу, побужденные к этому славословящими Ангелами, отражен в Евангелие от Луки (Лук. 2:8–20). Таким образом, в описании события, приведенного в песне с. Гайдар, сведения из Евангелия от Матфея дополнены уточнениями из Евангелия от Луки. Отметим, что наиболее полным является текст, записанный в г. Чадыр-Лунга. Помимо упомянутых моментов, он включает в себя эпизод с Ангелом, который сообщил Иосифу, мужу Марии, о грядущей опасности (что нужно бежать в Египет, чтобы спасти младенца). Эти сведения также отражены в Евангелие от Матфея (Матф. 2 : 13).

Песня с аналогичной тематикой *Hritozun duudu* («Рождение Христа»), записанная в с. Джолтай, по содержанию значительно отлича-

ется от других текстов. Согласно сведениям информатора К. Ивановой, она исполнялась колядующими накануне праздника Рождества во время вхождения Бессарабии в Румынию (в межвоенный период – в 20–40-е годы XX в.) [1, с. 30]. В ней упор делается на наиболее важных для христианства составляющих, связанных с рождением Христа: констатация божественной природы Христа (Богочеловек) утверждением, что Иисус родился от Святого духа; указание на появление чудесной звезды, приведшей волхвов в Вифлеем; оценка значения данного события для всего мира – «с рождением Христа на земле стало светло».

Описание «земной жизни» Иисуса в основном относится к последним дням его жизни. Нами записано лишь одно произведение, посвященное событию Тайной вечери *Auşam sofrası* («Вечерняя трапеза» – г. Чадыр-Лунга) [1, с. 76]. В нем довольно подробно описывается предательство Иудой Иисуса. Интересно, что для обозначения тридцати серебряников, полученных Иудой за предательство Христа, использовано название *otuz biyazlık* («тридцать беленьких»). В данном тексте, как и в большинстве гагаузских народных песен, использована форма диалога.

В гагаузских селах юга Молдовы широко распространены песни, которые представляют собой натуралистическое описание Страстей Христовых. Некоторые из них называются *Gefsimaniya başçası* («Гефсиманский сад»), от названия места, откуда начал свой последний путь Иисус Христос. Некоторые близкие по содержанию песни называются «Песня Иисуса», «Песня Христа» или «Песня Богородицы».

Сравнение содержания этих песен [1, с. 33, 35, 36, 34, 54] с текстом Писания показывает, что содержащиеся в них сведения в основном взяты из Евангелия от Матвея: о Гефсиманском саде и предательстве Иуды; об издевательствах стражников над Христом; о Симоне (*Simön*), который понес крест Иисуса, когда он упал; о последних словах Христа, обращенных к Отцу: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего ты меня оставил?» и др. (Матф. 26: 36, 67–68; 27: 32, 46). Последние слова Иисуса имеются также в Евангелие от Марка (Мк. 15: 34).

В вариантах песни с. Бешалма включены довольно подробные сведения из Евангелий от Луки и от Иоанна. Например, в Евангелие от Иоанна отмечается, что «один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ио. 19: 34). Помимо этих же данных, приводимых в песне, там одновременно дается пояснение, каким обра-

зом в христианстве используется вода и кровь Иисуса: первое – для крещения, второе – для причастия [1, с. 32].

Süngüyü sapladılar, Saa yanına sapladılar. İsuzun saa yanından Kan hem su ordan aktı: Kanı da – komka için,, Su da – vaatizlik için, }2 Vaatizlik biz kabledelim, }2 İsuzun yolundan gidelim.	Копьем кололи, Правый бок кололи. Из правого бока Иисуса Кровь и вода оттуда текли: Кровь – для причастия, Вода же – для крещения, }2 Чтобы мы крещением крестились. }2 И шли дорогой Иисуса.
--	--

В песнях, записанных в селах Бешалма и Гайдар [1, с. 32, 33], значительный акцент делается на позиции Понтия Пилата, не желавшего брать на себя вину за смерть Христа.

Pilat sordu Hristoza: – Senin ne kabaatın var? İsus bişey demädi, Gözçeezleri yaşlan doldu. Hem <i>Pilat bölä gördü</i> , Hem ellerni yıkadı. – Diilim dastoyın buna, Sud kesmää bölä adama.	Пилат спросил Христа: – В чем Твоя вина? Иисус ничего не ответил, Глаза слезами наполнились. И когда Пилат увидел это, Он омыл руки: – Я не достоин, Вершить суд над таким человеком.
---	--

Для сравнения приведем строчки из Евангелия от Луки: «я не нахожу никакой вины в этом человеке», «я ничего достойного смерти не нашел в нем» (Лук. 23 : 4, 22). В одном из вариантов с. Бешалма Понтий Пилат фигурирует под именем Голгоф [1, с. 37], от названия горы, где происходило историческое событие. Это объясняется смешением событий и имен и свидетельствует о слабом знании гагаузами истории христианства.

Вместе с тем необходимо отметить, что в песнях присутствуют моменты, не фигурирующие ни в одном из Евангелий. Например, будучи распятым на кресте, Иисус, успокаивает мать и говорит ей о том, что Небесный Отец знает, за что он «принял» эти мучения: «*Aalama, Mariya anam, – dedi, – Gökteki Boba da bile(r) neçin o zeetleri bän çekerim*». [1 с. 37,

32, 33, 39]. Довольно часто эпилогом в песнях с описанием Страстей Христовых является объяснение Иисусом значения жертвы, на которую он добровольно пошел. При этом приводимое в текстах объяснение облечено в форму прямой речи, например: за грехи Адама и Евы (*Bän bu zeetleri çekerim Adam hem İyovanın yanıldıı (i) çin*; за людские разговоры и предательство Иуды (*Biz bu zeeti çekeriz insanın sözü için, Yudanin sattı için*); за христианство (*Bän bu zeetleri çekerim hiristiyanlık için*); за все человечество [1, с. 32, 39, 37]. В одном из текстов вина за смерть Иисуса возлагается на евреев (*İsus Hristozu çiftilar tuttular ...*) [1, с. 38], что имеет место в воззрениях многих христианских народов.

Составной частью песен такого содержания является описание плача Богородицы, присутствовавшей во время страданий Иисуса на кресте: «Мария сильно плакала; из одного глаза слезы текли, а из другого – кровь капала...» [1, с. 38]. Чаше в песнях встречается указание на то, что Богородица собирала кровь сына, стекавшую из его ран и превращавшуюся в мира. Упоминание о том, что во время страданий Иисуса на кресте была его мать имеется лишь в Евангелие от Иоанна (Ио. 19 : 25–27).

Песни с сюжетом о том, как Богородица искала своего сына, нередко представляют собой отдельные произведения: *Mariya Panaya* («Мария Богородица»), *Panayanın türküsü* («Песня Богородицы») [1, с. 34, 35]. В них описывается, как Мария шла по дороге, искала сына и спрашивала у встречавшихся на пути прохожих: не видели ли они ее сына. Третий из путников подробно описал события, произошедшие на Голгофе [1, с. 34, 36]. В другом тексте известие о мучениях Христа на Голгофе Мария получила при помощи голоса, который «шел от земли в небо» [1, с. 32, 37]. Мария спустилась с небес на землю и пошла искать сына. В названии одной из песен по отношению к Богородице используется выражение «Наша Небесная мать» (*Gökteki anamız*) [1, с. 26]. В этой связи добавим, что у гагаузов Бессарабии отчетливо проявляется культ Богородицы. Согласно архивным данным [4], более половины церквей в гагаузских селах были названы в честь праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Необходимо отметить, что народные песни религиозного содержания во многом ассоциировались у гагаузов с народными молитвами. Как следует из исследования английского ученого Д. А. Капало, значи-

тельная часть гагаузских народных молитв включает в себя рассмотренные нами выше религиозные тексты о Страстях Христовых. Но в отличие от песен молитвы имеют характерную концовку: «Кто эту молитву будет знать, тот в огне не сгорит и в воде не утонет» и т.п. [5, с. 482]. Отметим, что после исполнения религиозной песни информаторы также как и при окончании чтения молитвы произносили «Аминь». Согласно выводам того же ученого, «наиболее распространенный центральный образ народной молитвы в центральной и Восточной Европе это натуралистическое изложение Страстей Христовых в форме диалога». Легенда о поиске Богородицей своего сына, которое классифицировано учеными как апокрифическое сказание, широко распространено в румынском и молдавском фольклоре «Căutarea Iisus Hristos» (Искание Иисуса Христа) [5, с. 482].

Определенное сходство песен такого содержания наблюдается с апокрифом «Сон Пресвятой Богородицы». О распространении и значении этого текста находим сведения в работе В. А. Мошкова. Он отмечал, что этот текст хранили в каждом доме и считали его талисманом, оберегающим от всех бед. «Сон Пресвятой Богородицы» читали, чтобы был достаток и благополучие, а также при трудных родах и т.д. [6, 1900. № 1. с. 18; 1901. № 4. с. 24]. Сравнение текстов песен о Богородице [1, с. 32, 37] с содержанием известного апокрифа «Сон Пресвятой Богородицы» показывает, что имеются довольно значимые различия. Исходя из песен видно, что голос «послышался» Богородице, когда Иисус был уже распят (в другом варианте – спрашивала у прохожих о свершившихся ранее событиях). Согласно же апокрифу, Мария во сне увидела мучения, на которые будет обречен ее сын [7].

В песнях *Gökteki Anamız* («Небесная мать»), *Panaiya nası geldi erä* («Как Богородица спустилась на землю») повествуется о том, что Богородица спустились с небес на землю, но ее никто не узнал, не накормил, не приютил, не пожалел [1, с. 26–27]. Имеется близкая по содержанию песня *Bizim göktä Bobamız bir vakıt erä inmiş* («Однажды наш Небесный отец спустился на землю»), в которой вместо Богородицы фигурирует Всевышний [1, с. 43]. В первом тексте отчетливо проявляется образ Богородицы как заступницы христиан, готовой простить им прегрешения, замолить их грехи перед суровым и неподкупным Богом. Она на коленях молит Бога о прощении всех людей (грешников), живущих

на земле. Этот образ схож с образом Богородицы, представленном в известном апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» [8].

Некоторые параллели с указанным апокрифом наблюдаются в песне *Bu aldangaç dünnü* («Этот обманчивый мир»). В ней заступником христиан перед Богом выступает, Архангел Михаил. Он на коленях стоит у ворот Рая и умоляет Бога простить всех грешников, которые «не знали что творят» [1, с. 44]. Согласно содержанию того же апокрифа, Михаил, по просьбе Богородицы, на коленях у престола молил Бога о прощении грешников. Интересно отметить, что в указанном апокрифе в качестве защитника рода людского перед Богом выступает и апостол Павел, который в этой же песне упоминается вместе со святым Петром. Всем встречающимся на пути христианам они давали наставления, что нужно верить во Христа и соблюдать религиозные праздники.

Анализ некоторых религиозных песен позволяет предположить, что они представляли собой одну из разновидностей народных молитв – **молитва-песня**. Например, песни *Allahn tüküsü* («Песня Христа»), *İsus Kurtarıcum* («Иисус мой Спаситель») и др. по форме напоминают молитву-покаяние [1, с. 46, 50]. Более отчетливо форма молитва-песня проявляется в песне, записанной в с. Авдарма *Göktä Boba padişaa* («Небесный отец – царь») [1, с. 69]. В ней присутствуют характерные для молитвы просьбы-заклинания: обращение-мольба к Богу, чтобы он послал просящему еду, хлеб-соль; на поля – дождь и т.д. Песня начинается и завершается прославлением Всевышнего и требованием соблюдать все его заповеди. Форма ее исполнения во многом напоминает чтение молитвы. В этой связи отметим, что аналогичная просьба-заклинание составляет основу песни в обряде вызывания дождя «Пипируда», в которой конкретно указывается, что исполнители песни «молят Бога» (*Allaha dua ederim*) о дожде и т.д. [9, с. 117–118; 1, с. 179–181]. Это дает основание классифицировать ее как разновидность народной молитвы, включенной в обрядовый цикл.

В некоторых песнях *Gökteki Anamız* («Небесная мать») и *Bizim göktä Bobamız bir vakit erä inmiş* («Однажды наш Небесный отец спустился на землю»), по форме напоминающих молитву, усилена песенная составляющая за счет включения в текст специфического припева: *hêy-hêy* (в первом тексте) и *vay-vay* (во втором) [1, с. 26, 43]. Песню *İsuzun türküsü* («Песня Христа»), в основе которой лежит

апокрифическое сказание о мучениях Христа на кресте, дополняют вступление и концовка (*hey, lä, lä, lä, ley*), которые обычно используются в песенном жанре [1, с. 37]. В ряде других песен аналогичного содержания содержатся фрагменты, характерные для сказок, например: много ли шел, мало ли, по пути встретился с Архангелом ... (*Çok mi gitmiş, az mi gitmiş, karşı gelmiş Harahangili ...*); много ли шла (Богородица), мало ли, повстречалась с тремя путниками (*Az mi gitmiş, çok mi gitmiş, karşı gelmiş üç yolcuylan*); много ли шли, мало ли, мы дошли до Мраморного камня ... /до Гроба Господня ... (*Az mi gittik, çok mi gittik, biz etiştik Mermer taşına ... /Boje Groba ...*); Много ли шли, мало ли, повстречались с Царем Иродом ... (*Az mi gittilər, çok mi gittilər, karşı geldilər Hirod padişahsına ...*) [1, с. 68, 40, 36, 28]. Это свидетельствует о тесном переплетении песенного жанра (в определенной степени и сказочного жанра) и народных молитв.

Широко распространенными являются песни с сюжетом о Бедном Лазаре *Ufkara Lazar* («Бедный Лазарь»), *Lazarin türküsü* («Песня Лазаря»), *Zengin Lazarlan fikêyra Lazar* («Богатый Лазарь и бедный Лазарь») [1, с. 61, 62]. Содержание песни почти дословно раскрывает отрывок главы из Евангелия от Луки (Лук. 16 : 19–31), в котором описывается жизнь богача и бедного Лазаря. Как следует из Библии, после смерти ангелы спустились и отнесли Бедного Лазаря в «лоно Авраамово». При описании данного момента в песне использовано выражение «к Аврааму в Рай» (*Avrama Raya*). В Библии же на гагаузском языке это место обозначается как «Авраамовы объятья» (*Avraamin kucaana*) [3].

В песне о Бедном Лазаре, как и в ряде других произведений религиозного содержания, основана на проповеди о бренности земной жизни и необходимости ведения христианского образа жизни: не тревожиться, не злоупотреблять спиртными напитками, не гнаться за богатством, быть сердобольным, оказывать гостеприимство всем просящим (путникам) и т.д. [1, с. 26, 43, 44, 45, 49]. В 1Г песнях, как и в Новом завете, подчеркивается, что, только совершая богоугодные дела, человек может попасть в Царствие Небесное.

Во многих песнях призыв к покаянию и ведению христианского образа жизни исходит от самого Христа, Богородицы, Святого Петра, Георгия, Павла, Ильи и др. В тексте с. Бешалма почти дословно приведена евангельская заповедь: «Смотрите же за собою, чтобы сердца

ваши не отягчались объедением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно» (Лук. 21 : 31, 34): *aaarlaşturmayın kendinizi iyintiylän, içkiylän*. Проповедь о необходимости вести христианский образ жизни является составной частью многих гагаузских народных песен религиозного содержания [1, с. 45] и др. При этом отмечается, что соблюдение людьми Божьих заповедей будет определяться Господом во время его Второго пришествия, когда будет вершиться правосудие. Из этого следует, что к данному событию люди должны себя готовить благими делами.

В упомянутой нами выше песне *Bu aldangaç dünnü* («Этот обманчивый мир») описывается, как Святые Петр и Павел много ходили по свету и давали наставления (*nasaat*) всем встречающимся на пути людям о том, что земной мир обманчив и нужно соблюдать Божьи Заповеди, среди которых особо оговаривается необходимость соблюдения религиозных праздников и постов (в честь Бога) [1, с. 44]. Учитывая некоторую религиозную индифферентность гагаузов (слабое посещение церквей, незнание необходимых христианских молитв и др.) [10, с. 341–343], акцент в песне на данной заповеди приобретает особое значение. Она призвана была активизировать проявление внешних форм религиозности гагаузов.

В некоторых песнях аналогичного содержания Святой Петр фигурирует с другими святыми, например, со святым Ильей *Sveti Petliylän Sveti İliya*. Призывая людей верить в Бога, Святые пытаются предостеречь их, объясняя, что при несоблюдении заповедей Бог лишит людей своей милости: «повернется к ним спиной» и заберет с земли манну небесную («*erdän manayı alacek*») [1, с. 64]. Этот эпизод перекликается с ветхозаветным повествованием о Моисее, который вел иудеев через пустыню в Землю обетованную и кормил народ манной небесной, посланной Богом.

Основной многих гагаузских песен религиозного содержания является проповедь о Втором пришествии Христовом *Biz bekleriz İszun gelmesini* («Мы ждем пришествия Иисуса»), *Saabi geler* («Господь идет») и др. [1, с. 42, 46–54]. Содержание таких песен дополнено описанием сцены суда во время осуществляемого Богом правосудия. При этом отмечается, что души, находящиеся от Иисуса справа, являются праведниками и попадут в Рай; те же, которые слева – в ад. Исходя из

приведенных данных видно, что у Бога правая рука – милующая, а левая – судящая (карающая). В народе левая и правая стороны также имеют противоположное значение: правая сторона и движение вправо – это правильно, а левая сторона воспринималась с отрицательной характеристикой, движение влево, по-видимому, связывалось с вхождением в потусторонний мир (хоро влево в Русальную неделю – *horu tersinä*) [11]. В некоторых вариантах песен с аналогичным содержанием Бог, «отделяя свое стадо», по правую сторону ставит овец, а по левую – козлов [1, с. 51]. Это же описание находим в Евангелие от Матфея (Матф. 25 : 31–32). Запрет у гагаузов на использование козлов для жертвоприношения (курбана) [12, с. 15], связан, по-видимому, с негативным отношением христианской религии к этому виду животных.

Во многих песнях в качестве главной причины для наказания грешников, которое произойдет во время «Страшного суда», Христос указывает на отсутствие у них сострадания и сердобольности. Чаще всего данное понятие выражено в характерной для Евангелия форме: когда был голоден – не накормили, когда просил пить – не напоили, когда был путником – не приютили, когда был болен – не навестили [1, с. 47]. Как мы уже отмечали выше, иногда в роли бедствующего путника, которого не накормили и не приютили, выступает Богородица [1, с. 26–27]. В рассматриваемых нами произведениях нередко приводится диалог между грешниками и Христом, который полностью совпадает со строками Евангелия от Матфея (Матф. 25 : 32–46). В ответ на слова кающихся, что они не узнали Христа, он им отвечает, что посылал своих братьев (по вере), но к ним они не проявили сострадания [1, с. 47]. В христианстве это расценивается как нарушение одной из заповедей, которая гласит: «просящему у тебя дай ...».

В некоторых песнях содержатся сведения из Нового завета о том (Матф. 24:3–30), что одиннадцать учеников, ждавшие Христа на Елеонской горе (в другом варианте – на горе Фавор (*Tavur; Tavor*), спросили у него о признаках наступления конца света [1, с. 53, 46–47].

– Söläsänä Sän bizä, Saabi,
Nezman bitki saatlar galäcek?

Hem ne nişan olacek?

Скажи нам, Господи,
Когда наступят последние часы
(кончина века)?
И какой будет знак, указывающий
на это?

.....
Kalkıcek kardaş kendi kardaşına,	Поднимется брат против своего брата,
Hem insan insanın üstünä,	И люди друг против друга,
Ool bobaya hem boba ooluna,	Сын против отца и отец против сына,
Ordan hesap alınız.	Оттуда и поймете.
Başlıycek gün tutulmaa,	Солнце померкнет,
Er tepreyip küülär batmaa,	От землетрясений села уйдут под землю,
Denizlär taşıp gorodlar buulmaa, –	Моря, вышедшие из берегов, затопят города,
Tö ozman bitki saatlar geläcek.	Вот тогда последние часы наступят.

Интересно отметить, что описание конца света имеется и в гагаузской рождественской колядке «Мош Крэчун» (*Nezaman ool bobayı dıvecek, kız da – anayı. Ozaman biläsin, ani dünnä bitkisi.*) [1, с. 169]. В целом оно схоже с описанием апокалипсиса, приведенного в Евангелие от Луки («отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей» (Лук. 12:53)). Вопрос о происхождении данной колядки у гагаузов остается открытым. Ранее мы уже высказывали предположение о том, что она появилась в результате молдавского этнокультурного влияния, так как мифический образ Мош Крэчун широко распространен у восточно-романских народов [9, с. 33–34].

Некоторые песни, например, *Panaiyanın türküsü* («Песня Богородицы»), *Acılık* («Паломничество») посвящены описанию паломничества в Иерусалим, к Гробу Господню и др. святым местам [1, с. 40, 75]. Эта традиция имела у гагаузов широкое распространение. При анализе содержания текста были выявлены различные слова, не встречающиеся в других песнях: *Panaiya Pandalisa, Kirolisa, Kiroliyi, Sülvä boyuna*. Некоторые из них обозначают какие-то географические реалии. Слова, с которых начинается песня (*Panaiya Pandalisa*), возможно, связаны с названием иконы, которая находится в одном из греческих монастырей, расположенных недалеко от г. Ксанти [13]. У В. А. Мошкова есть упоминание о том, что во время паломничества в Иерусалим гагаузы приобретали караманлийские религиозные книги, которыми очень

дорожили [6, 1901. № 2. с. 43–48]. Некоторые священники разрешали своим прихожанам читать в церкви «Отче наш» и «Символ веры» на языке караманли [14, с. 225].

Составной частью рассматриваемого нами вида песен является терминология, связанная с религиозными воззрениями. Во многих произведениях с подобным содержанием используется слово «Рай» славянского происхождения: *Ray başçesinä* (Райский сад), *Ray kapularni* (Врата Рая), *Rayn içi* (в Раю) [1, с. 40, 44, 56–59]. Отметим, что с аналогичным значением у гагаузов в быту широко используется термин арабского происхождения *Cennet* (*Cennet kapularnın anatarlarnı* – «ключи от дверей Рая»). Однако в записанных нами песнях (более 70) это слово использовано лишь в одном произведении [1, с. 65]. Помимо указанных терминов в одном из текстов для обозначения данного понятия употреблено слово *Aşura* (*Aşura yolu* – «дорога в Рай»), которое не приводится в Гагаузско-русско-румынском словаре и не зафиксировано нами в повседневной речи гагаузов. Интересно отметить, что для обозначения Ада используется термин арабского происхождения *Cendem* (*Cendem yolu* – дорога в Ад) [1, с. 38]. В песнях имеются некоторые данные, раскрывающие содержание этих понятий: дорога в Рай, в отличие от дороги в Ад, узенькая и оттуда «слышатся красивые песни, из Ада доносятся страшные звуки» и т.п. [1, с. 38, 65].

Помимо указанных слов в фольклоре и в религиозных текстах (молитва Господня, Символе веры) для обозначения 'Бога-Отца' и 'Бога-Сына' использовались различные лексемы. Так, Бога-Отца, который «пользуется у гагаузов большим уважением», называли: *Allah* (Бог) *Koca Allah / Allah Boba* (Бог-Отец), *Bobamız* (Отец Наш), *Gökteki Boba*, *Tembül Boba* (Небесный отец) [1, с. 63], а Иисуса Христа: *İsus Hristos / İsusRistos*, *Allahın Oolu* (Сын Божий), *Allah İsus Hristos* (Бог Иисус Христос) или иногда только *Allahım* (Мой Бог, Боженька) и др. [6, 1901. № 4; 1, с. 2, 29] По отношению к Христу в песнях использован эпитет – *İsus Ayozlu* (Святой Иисус) [1, с. 41]. Наряду с указанными терминами, в последнее время употребляются слова *Saabi* (Хозяин, Всевышний, Бог), *Kurtarıcı* (Спаситель), которые довольно часто встречаются в песнях. Лексема «*Boje*» в значении 'Бог-Отец' и 'Бог-Сын' используется главным образом в календарной обрядовой поэзии и в быту. Понятие Святой Дух у гагаузов обозначалось словосочетанием *Allahın Soluu*, а Божий человек, Святой – *Allaa adamı*, *Ayoz*.

Российским тюркологом Л. А. Покровской уже отмечалось, что гагаузы используют ряд терминов, относящихся к мусульманской религиозной системе, например: *Allaa, cendem* (рай), *cennet* (рай), *haci* (паломник), *şeytan* (черт), *kurban* (курбан – жертвоприношение) и др. Согласно ее выводам, такого рода термины обозначают общие религиозные понятия и никак не связаны с религиозной принадлежностью гагаузов в прошлом [15, с. 139–144]. Существование терминов, относящихся к двум различным религиозным системам (христианству и мусульманству), является частью гагаузской религиозной идентичности.

Приведенные сведения дают основание говорить о том, что у гагаузов для обозначения общих понятий, связанных с религиозными воззрениями, используются термины арабского происхождения (распространенные у тюркских народов) и параллельно употребляются термины славянского происхождения: *Ay / Sveti, Allaa / Boje, Cennet / Ray*. В некоторых случаях последние даже доминируют (о чем мы писали выше). Слово «Святой» и места паломничества приведены в песнях в славянском звучании *Sveti* (Святой), *Boje Groba* (Гроб Господень) [1, с. 40, 43, 65].

* * *

Рассмотрение гагаузских народных песен религиозного содержания показало, что многие из них отражают сведения, содержащиеся в Новом завете. Отсутствие их у гагаузов Болгарии [16, с. 146] позволяет предположить, что основная их часть появилась на территории Бессарабии в первой половине XX века. Возможно, что на их появление определенное влияние оказало стремительно усиливающееся в этот период протестантское движение.

В общем можно сказать, что этот вид песен объективно способствовал поддержанию религиозного чувства у значительной части представителей гагаузского этноса и являлся формой выражения их религиозной идентичности. По форме и содержанию они представляли собой религиозную проповедь в народной трактовке, целью которой было прославление Христа и призыв к соблюдению евангельских заповедей. С помощью народных песен, исполнявшихся на родном языке, гагаузы получали знания по истории христианства. Это было важно, так как богослужения проходили на непонятном для них языке (старославянском, молдавском).

Представляет особый интерес тот факт, что определенная часть религиозных песен использовалась гагаузами в качестве народных молитв. Официальное употребление их в церкви не разрешалось местными священниками как не соответствующие библейским канонам, поскольку их происхождение связывалось с апокрифическими текстами.

Данная статья является лишь первой попыткой исследования гагаузского народного песенного творчества, являющегося составной частью духовного наследия, связанного с их религиозной принадлежностью. Необходимо дальнейшее изучение фольклора религиозного содержания. Это позволит конкретизировать вопрос о происхождении данного пласта народных песен у гагаузов и будет способствовать более глубокому изучению процесса этнокультурного взаимодействия с соседними этносами, в частности с молдаванами и румынами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moldova gagauzların halk türküleri / Toplayan hem hazırlayan E. N. Kvilinkova. Kişinöv, 2003.

2. Библия. Новый завет.

Принятые в статье сокращения: **Матф. (12 : 3)** – Новый завет. Евангелие от Матфея. Глава 12, строка 3; **Лук.** – Новый завет. Евангелие от Луки; **Мк.** – Новый завет. Евангелие от Марка; **Ио.** – Новый завет. Евангелие от Иоанна.

3. Ени баалангы / Чевирижи – Стефан Байрактар. Москва, 2006. С. 10; Epi testament / Çevirici – Boris Tukan. Кишинев, 2003. С. 6.

4. Национальный архив Республики Молдова (НА РМ) ф. 208 – Кишиневской Духовной Консistorии.

5. **Капало Д. А.** Молитва и заклинание в религиозном фольклоре гагаузов // История и культура гагаузов. Очерки. Комрат-Кишинэу, 2006, с. 477–486.

6. **Мошков В. А.** Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // Этнографическое обозрение (ЭО). ЭО. 1900. № 1; ЭО. 1901. №№ 2, 4.

7. <http://astrostream.goodboard.ru>

8. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. Т. I. М, 1991; Т. II. М, 1992; Хождение Богородицы по мукам / Подг. текста, перевод и комм. М. В. Рождественской // ПЛДР: XII век. М., 1980. С. 166–183, 651–652.

9. **Квилинкова, Е. Н.** Гагаузский народный календарь. Кишинев, 2002.

10. **Квилинкова, Е. Н.** Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам

XIX – первой половины XX в.). // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006, с. 341–363.

11. **Квилинкова, Е. Н.** Общее и особенное в гагаузско-славянской русальной обрядности // Вестник Славянского Университета, Вып. 5, Кишинев, 2001. С. 222–234; **Квилинкова, Е. Н.** Русали–Русалки–Пери // Сборник материалов конференции: Музей, Традиции, Этничность // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Российского Этнографического музея. Санкт-Петербург – Кишинев, 2002, с. 294–297; а также в журнале: Педагогический Вестник, № 2(6). Кишинев, 2001, с. 88–92.

12. **Квилинкова Е.Н.** Гагаузский курбан: общее и особенное // Ştiința. Chişinău, 1997, № 1–2.

13. Полевые записи автора (Квилинковой, Е. Н.) за 2004 г., Греция.

14. **Мошков, В. А.** Гагаузы Бендерского уезда. (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004.

15. **Покровская, Л. А.** Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография, 1974. №1, с. 139–144.

16. **Квилинкова, Е. Н.** Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005.